

СТИХИ

То великим
снегам

МАРИНА САВВИНЫХ

Марина Саввиных

По великим снегам. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22874248

ISBN 9785448374883

Аннотация

В книге собраны стихи разных лет, в том числе ранее не публиковавшиеся. Тревожные события последнего времени, многочисленные путешествия автора, встречи с яркими талантливыми людьми определили атмосферу сборника.

Содержание

Русский дух Марины Саввиных	5
Свободный полёт	9
I. Лёд и уголь	15
«По берегам Днепра и Иртыша...»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

По великим снегам

Стихи

Марина Саввиных

© Марина Саввиных, 2017

© Александр Лопатин, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7488-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Русский дух Марины Саввиных

Все поэты делятся на идеалистов и формалистов, – в зависимости от того, как они решают основной вопрос поэтики – вопрос первичности содержания или формы. Марина Саввиных – ярко выраженный идеалист: идейная заостренность и пафос, преданный ее оппонентами анафеме, неотделимы от ее лирического тембра. Она по-толстовски не приемлет стилистических изысков, не поверенных нравственным отношением к жизни и литературе.

Марина Саввиных – безусловно русский поэт («здесь русский дух», и здесь начало ее идеализма). Ее творчество подтверждает умозрительные догадки о том, что искусства – прежде всего поэзии как словесного искусства – не бывает вне национальности. Арифметика не может быть национальной, а поэзия не может не быть национальной.

Что делает ее русским поэтом? Ее владение русским языком, включая все его лексические пласты, глубоко и академично. Ее творчество возвращает слова «к родному смыслу»: поэтически это больше, чем открытие нового смысла. И в то же время в этой филологической душе «бродят древние наитья». Ее поэтический слух безупречен: он учтет все обертоны слова и строки. У нее – «бездомная луна», «священный ужас», «каторжный Христос» и «рыдающий Аллах». Ей мало чистой: у нее «пречистая русская речь». Это –

владение языком в той степени, когда язык владеет человеком.

Русским поэтом делает ее укоренённость в русской поэтической традиции. Неспроста она любит Тютчева, у нее есть историческое созерцание и ясность мысли («Есть тайные случайные дары, // Судеб и знаков скрытые сближенья...»). Но Цветаева и Ахматова тоже любили Тютчева. Марина Саввиных неизбежно мыслится в ряду самых благородных и изысканных лирических героинь от Гиппиус до Ахмадулиной. Ее стихи красивы, как скрипичный знак, бокал или кортик; так могла бы писать Прекрасная Дама Блока или Маргарита Булгакова: «Я – сгусток боли и стыда // Сестер, сожженных без суда». Русским поэтом делает ее христианская этика («Не я, Господи, а Ты мне говоришь...»), русский православный мистицизм («Беру огонь в рукав, как принимают схиму...»), самое ответственное – имперское – мышление и русское гражданство патрицианской высоты и высокомерия («Что вам дала, князя, гибельная наука // Милую степь бросать варварским сапогам?...»; «Олимпийская жесть подворотне скучна – // Подноготная истина ей не нужна...»)

Русским поэтом делает ее живой и страстный интерес к другой судьбе, другой душе («Души чужой взыскую! // Вот где грех!»; «Прочти меня, мой Черный Человек!...»): поэзии нет без одиночества, но поэзии нет и без единства. На концептуальном уровне это – пристрастие к странствию в пределы иной культуры, иного языка, иной народной души («Я за-

блудилась, город моей мечты, // Между твоими розами и огнями. // Что означают статуи и цветы? // Траурные стволы с мраморными ступнями? // Ты заблудил меня, околдовал и сдал // Царству чужих теней, призрачной паутине...»). Поэзии нет вне национальности, но поэзии нет и вне интернационализма.

Поэтически Марина Саввиных делает большую и важную работу, которую русская душа, по Достоевскому, должна выполнить на уровне исторического и общечеловеческого бытия. Как русский народ примиряет между собой и соединяет в общий лейтмотив идеи и судьбы разных народов, так чуткий талант Марины откликается голосам других культур и тишине чужих пантеонов и некрополей. И эта симфония – эта симпатия – делает ее русской и родной.

У нее Иудея, Рим и Эллада («Я ощущаю – страшную – ответственность за Гомера, // За Геликон, возвышенный, как Прометеев вздох»); Польша, Украина и Грузия («Грузия моя, где же ты? // Или по взыскании предела, // Искусившись зла и срамоты, // Автандил стреляет в Тариэла?»); Дагестан, Кабарда, Чечня и Осетия («О Кавказ, тоску вражды и мщения // Утолив на переправе дальней, // Русский дух взыскует очищения // В роковой твоей исповедальне»).

Нужно обладать известной мягкостью, чтобы быть восприимчивым к другим голосам, и надо обладать твердостью

скалы, чтобы служить «эхом мира». Эта коллизия органично разрешается в переводческом творчестве Марины Саввиных. Ее «Мосты над облаками» – вовсе не воздушные замки; это замечательный образец реалистического литературного зодчества, а последние переводы из современной поэзии Северного Кавказа, органично дополняющие этот очерковый цикл, отличаются качеством, которого редко достигали и при советском литературоцентризме.

Она переводит не стихи, а реальность. Ей надо увидеть человека, услышать его речь, его смех, потрогать деревья в его саду и воровски набрать простых каштанов. Вот почему в ее переводах есть свои основания бытия; они хороши безотносительно к оригиналу и полны собственных, Марины, открытий, легко и естественно развивающих лучшие образы и интенции оригинала. Текст ее перевода – литой и плотный, в нем нет обидных трещин и щербинки, – и всегда делает честь оригиналу: «Нет за полночь огня – и над тобой // Уже не будет солнечного света...» // Смотри, не верь тому, кто скажет это. // Так говорит о свете лишь слепой».

Прекрасный символ поэтической веры. Этому можно верить: так говорит тот, кто строит мосты над облаками; а тот, кто строит мост, уже стоит на мосту.

Ирлан Хугаев

Свободный полёт

Марина Саввиных – не новичок в русской литературе; она – на сегодняшний день – один из самых прекрасных и сильных её художников <...>

Мало кто умеет работать именно с образом. Многие забывают про него, увлекаясь виртуозной версификацией, когда из мелкотемья вполне можно, при помощи иных отточенных приёмов, сделать картину. Но она не оставит неизгладимого впечатления на сердце.

Поэзия – это живое. Живая материя, живой огонь.

Марина Саввиных не только и не просто владеет этим огнём; она, осознавая трагизм времени, в котором, вместе с нами, ей выпало жить, противопоставляет ему именно это бесценное, личностное, личное, незаёмное пламя творящей души.

Да не будет это впечатление пафосным; в триаде «логос – мифос – пафос» торжество пафоса являлось одним из неотъемлемых составляющих высокого искусства, искусства трагедии <...>

Саввиных уже – на таком уровне поэтического сознания и мастерства, что у неё не замечаешь вербального ря-

да; простой и прозрачной видится летняя цветочная вязь слов, а на самом деле за лирической картиной разворачиваются гигантские крылья мироздания, и всё происходит точно по Блейку: «в одном мгновенье видеть вечность (...) и небо – в чашечке цветка».

Её стиховая живопись обладает скрытой и явной русско-стью, в ней слышна та пронзительная нота святого нищества, бессребренного юродства, что издавна освещало тихим свечным пламенем («свете тихий»...) русский быт и русское бытие. Эта нота скитальчества, жаления, жалости как высшей формы любви, страдания как концентрированной – за всех – высшей молитвы звучит в стихах, открывая безбрежные (и забытые!) горизонты:

Я – нищенка. Вот посох мой.
Песок растрескавшихся губ.
Пучок лучей над головой
Высок, торжественен и скуп.
На мне – проклятье. И за мной —
Ни свежих листьев, ни греха.
А пахнет дымом и сосной
И тихим злом сухого мха.

И это тайное, одинокое, личное юродство внезапно разрастается до огромных земных масштабов, оно накладывается огненной печатью на время, в котором живёт поэт, в ко-

тором он наблюдает близкие и далёкие драмы, продажность и благородство, ярость и прощение <...>

Что ещё удивительно (и притягательно!) – Марина Саввиных свободным стилем плывёт в море всепланетной культуры, мировой культурной истории. В ткани её стихотворений то и дело вспыхивают имена, понятия, символы, ориентиры, что безошибочно ведут нас в колодцы времён, поднимают перед нами занавес утраченной во времени, но ярко сияющей на авансцене истории эпохи: Гермес, Богоматерь, Ариадна, Роза Ширази, Валькирия, Электра, Федра живут в её стихах, красной нитью стягивая поколения и культуры, души ушедшие и души живые. И это не просто любование культурой, не эстетически выхваченные из её глубины стяги и хоругви. Это абсолютное – и убедительное! – ощущение жизни не только здесь и сейчас, но и – везде и всегда. Это и есть, как ни торжественно это звучит, чувство бессмертия. Поэт связывает времена одним биением живого сердца. <...>

Редко у какого поэта встретишь теперь такую мифологическую плотность стиха, столь явную культурную насыщенность: алмазные соли культуры – на стенках хрупкого сосуда души, и в лучших своих стихах, написанных под бешено пылающим «культурным факелом», Марина Саввиных демонстрирует немалое художественное мужество, дающее ей право крепко сшить воедино прошедшее и сегодняшней день,

древность былого и сиюминутность нашего сиротства <...>

Я ещё нигде не встречала такого сжатого, горького и точного изображения Апокалипсиса в поэзии (хотя кто только его не изображал...) и такого невероятного, крепкого объёмия мифа и современности.

В этом Саввиных и сильна. Понятно, что любой художник не «реет» в космическом вакууме, а чувствует тягу древних культурных корней. Однако далеко не каждый может свободно вписать древние символы – и чисто художественные, и социокультурные – во фреску своего многофигурного искусства. Саввиных не боится культуры; она ею живёт и дышит. И личное, лирическое, единственное, интимное в одно мгновение становится общеземным, сферически-объёмным. А уже ставшая традиционной мегаметафора, смысл которой сводится к позиции: «Гибнущий Рим = мы», превращается в разворачивающуюся на наших глазах геокультурную перспективу, и в ней мы запросто можем узнать, увидеть себя, хоть дрожит, плывёт в снежном мареве историческое гигантское зеркало:

Рим устал.

Кто кумиров его не свергал?

Только шут да школяр неприлежный...

И уже наострил предприимчивый галл

И оружие, и дух свой мятежный;

Ходит варвар у ближних его рубежей,
Закаляясь в пожарах его мятежей —
На руинах его матеря,
Верный враг, терпеливо взлелеянный плод,
Вожделенное лежбище райских болот —
Восходящая Гиперборея...

Гиперборея – сияющий Север – арктические Веды – Приполярье – Урал, а за ним Сибирь – громадные пространства – новые люди – новые эры – та Россия, что теперь колышется мощным знаменем над нами, современниками и сомгновениками. И Марина Саввиных смелой, широкой кистью пишет её огненный портрет.

Это портрет и нас с вами. Каждого из нас. В каждом из нас Эвридика; в каждом – Орфей. Мы не осознаём каждую минуту и секунду, чья кровь в нас течёт; но мы, всякий, из плоти и крови наших предков. И культурный геном никуда не денешь. Марина Саввиных, один из самых мощных и оригинальных современных поэтов России, ярко и уверенно доказывает это.

Книгу украшают стихи о Кавказе, с которым у автора много жизненных связей; но и Кавказ предстаёт не только в умелом изображении дорогих сердцу автора ландшафтов, но и в ореоле бытийного. И снова, снова, с упорством симфонического лейтмотива, возвращается эта любимая поэтом нота брака времён, объятия эпох, когда ты, стоя на древней каменной плите, можешь вобрать в сердце весь окоём, всю

ойкумену, весь зримый и мыслимый Космос...

Елена Крюкова

І. Лёд и уголь

«По берегам Днепра и Иртыша...»

По берегам Днепра и Иртыша,
В предгорьях Анд и среди скал Кавказа —
Да славит Бога всякая душа
Струнъем струн и гранями алмаза,
Слезой, в мольбе скользнувшей по щеке,
И словом, обретающим реченье
На каждом человеческом языке, —
Во имя своего предназначенья;
Да славят Бога искренность и стыд,
И стон любви, и первый крик младенца,
Пот пахаря и труд кариатид,
И медный Пётр, и бронзовый Риенцо;
Таёжной братии дружеский костёр
Под музыку последнего союза —
И вечностью овеянный костёл,
И танец просветлённого индуса,
И рыбака увесистая сеть,
Когда к финалу близок пыл путины,
И в космос устремлённая мечеть —
Михрабы, минареты, муэдзины;
И гулкое терпенье синагог,

И манускрипты в Матенадаране —
Сквозь хор светил и шум вселенской брани
Всё слышит Бог – и всё приемлет Бог!
Но от земли, в которую мой род
Ушёл и из которой вновь взойдёт,
Достались мне и лоб ширококостный,
И трезвость трапезы великопостной,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.